

ПЕТР ЕГОРОВИЧ ЕГОРОВ (1731—1789)

Архитектор, автор знаменитой ограды Летнего сада, один из создателей раннего русского классицизма в зодчестве.

Ограда Летнего сада, созданная в Санкт-Петербурге в конце XVIII века, считается совершеннейшим произведением мирового искусства. Восхищаясь ее «несравненной» красотой, признавая «единственной в мире», гениальной, историки зодчества неоднократно утверждали, что она одна могла бы доставить своему автору славу выдающегося зодчего.

*... тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград, —*

восторгалась Анна Ахматова ее удивительной гармонией.

Однако мало кто из земляков великого архитектора задумывался над тем, что доказательства его авторства были подтверждены после многолетней полемики только в наше время.

О его жизни известно немного, сохранились лишь сухие строчки архивных документов. Поступая учиться в архитектурную школу, Егоров напишет: «Родом я чувашенин...» Добавим к этому год рождения — 1731. Вот, пожалуй, и все, что мы знаем о начале его биографии.

Как же Петр Егоров оказался в Петербурге, получил образование, стал архитектором? Помогла лишь случайность: в малолетстве при обстоятельствах, которые остаются невыясненными, он попал в семью сподвижника Петра I, генерал-майора артиллерии князя Егора Леонтьевича Дадияни (1683—1765).

В доме князя Петр прожил до 24-х лет. Здесь он впервые приобщился «к художествам», был обучен рисованию, живописи, основам архитектуры. Судя по всему, князь сердечно привязался к чувашскому мальчику, относился к нему скорее как к приемному сыну. Он не только дал ему имя, но и первоначальное образование, помог поступить в архитектурную школу. Без рекомендательного письма князя «чувашенин» в те времена даже не мог быть допущен к приемным экзаменам. Фамилия нашего известного земляка произошла от имени его крестного отца.

Среди близких князю Дадияни людей были сыновья знаменитого «ученого царя» Вахтанга VI, племянника Арчила (прославленного грузинского царя-поэта) — Бакар, Вахушти и Георгий Багратиони. Их часто называют «просвещеннейшими» — каждый из них многое сделал не только для грузинской, но и для русской культуры. Бакар занимался книгопечатанием, Вахушти (в настоящее время его имя носит институт географии в Грузии) известен своими научными трудами, издававшимися не только в Рос-

сии, но и во Франции. Георгий покровительствовал просвещению: пожертвовал Московскому университету 10 000 рублей — весьма щедрый дар, восторженно встреченный русской интеллигенцией.

В 1750-х годах Петр Егоров жил в Петербурге в семье Бакара Багратиони. По-видимому, он был уже известен как живописец. Документы свидетельствуют, что в 1750 году Егоров был «взят у грузинского царевича Бакара» для выполнения живописных работ в Оперном доме, строительство которого велось по распоряжению императрицы. Возможно, именно тогда зародилось в нем «ревностное желание учиться архитектуре», — об этом он сам позже напишет, поступая учиться.

Духовная атмосфера, в которой прошли молодые годы Петра Егорова, способствовала развитию художественного дарования, получению разносторонних знаний, воспитанию твердых нравственных понятий. Прекрасный свет людей, озаривший юность, сопровождал его всю дальнейшую жизнь, предопределил путь в искусство.

В 1755 году Петр Егоров поступает в архитектурную школу при Канцелярии от строений в Петербурге. Это было лучшее учебное заведение того времени, дававшее специальную подготовку (позже на ее базе была открыта «Академия трех знатнейших художеств»).

Сначала он учился у замечательного русского архитектора С.А. Волкова (1717—1790), предполагаемого создателя гранитных набережных Невы, затем — у великого Ф.Б. Растрелли. В течение десяти лет Егоров — и это сыграло огромную роль в его становлении как художника — имел возможность близко наблюдать творчество выдающегося архитектора Ж.Б. Валлен-Деламота, начавшего первым в России строить в стиле классицизма (с 1759 по 1769 годы он был сотрудником Канцелярии от строений).

Более тридцати лет проработал Егоров в Канцелярии (позже — Конторе) строений — ведущей строительной организации страны, выполнявшей заказы императорского двора. Егорову поручали «сочинение проектов» наравне с известнейшими архитекторами того времени, доверяли ответственные постройки, производимые по личному заказу самой императрицы, например, Мраморный дворец. Много лет он преподавал старшим ученикам в архитектурной школе при Канцелярии от строений, «имел смотрение за чертежною», а говоря современным языком — руководил проектной мастерской. И неизменно считался, как указывается в документах, «против других весьма искуснее», постоянно направлялся «к нужнейшим, требующим хорошего искусства сочинениям чертежей».

В начале 1760-х годов только что вступившая на престол Екатерина II пообещала жителям города Пярну построить за счет казны православную церковь. Сочинение проекта в 1763 году было поручено Петру Егорову.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы (позже ее стали называть Екатерининской) в г. Пярну — первая известная нам самостоятельная работа Петра Егорова. Изысканная простота, изящество, безупречная пропорциональность проекта говорят о большом даровании и художественном вкусе его автора.

В марте 1765 года проект церкви был «высочайше апробован» (утвержден) императрицей и настолько ей понравился, что она предписала строить по его образцу все православные храмы в Прибалтике. По «Пярновскому образцу» строились знаменитый Петропавловский собор в Риге, а

также православные храмы в Тарту и Курессааре (сейчас г. Кингисепп). Екатерининская церковь украшает город Пярну и в наши дни (Эстония, г. Пярну, ул. Веэ). Она считается красивейшим архитектурным памятником города и находится под охраной государства.

В 1764 году Екатерина II решила открыть первые в России женские учебные заведения: Институт благородных девиц (ему была отдана часть корпусов Смольного монастыря) и Училище для мещанских девушек. Петр Егоров, как указывается во всех документах, находился на строительстве училища в 1765—1766 годах.

До сих пор неизвестно, кто был автором его проекта, так как чертежи не обнаружены. Руководил строительством Ю.М. Фельтен, по-видимому, ему принадлежит и первоначальный вариант проекта. Однако к исполнению он не был принят, и в 1765 году началась срочная работа над новым вариантом, продолжавшаяся два года.

Интересна судьба еще одного «детиса» императрицы, к которому причастен наш знаменитый земляк. Весной 1768 г. Екатерина II задумала построить «здание благодарности» — Мраморный дворец (архитектор А. Ринальди) в подарок фавориту, графу Г.Г. Орлову. Проектные чертежи дворца также не обнаружены, кроме чертежа парадной мраморной лестницы, который не подписан. Императрица, страстно увлекавшаяся архитектурой, по-видимому, сама набросала его эскиз. Современник событий А.П. Сумароков в «Обозрении царствования и свойств Екатерины Великия» писал: «Дворец Мраморный построен по плану императрицы». В дальнейшем это утверждение повторяется многократно вплоть до начала XX века.

1 мая 1768 года столярному мастеру Иогану Кзору была заказана модель Мраморного дворца. Автор чертежа, по которому ее следовало изготовить, неизвестен. Ни один архитектор в первые месяцы строительства дворца в документах не упоминается. Остается предположить, что его модель появилась по «собственноручному» эскизу императрицы, оформленному кем-то из архитекторов в проектный чертеж.

Однако первый вариант к исполнению принят не был. 24 октября генерал-инженер М.И. Мордвинов просит направить к нему на строительство Мраморного дворца Петра Егорова, который, как указывается в документе («счет» на 2 февраля 1769 года), должен выполнять обязанности, «какие до знания архитектуры принадлежать будут». Егоров прибыл на строительство в октябре 1768 года. И в этом же месяце начинаются изменения в проекте: «...последовала во всех фасадах перемена». В дальнейшем, как свидетельствуют документы, проект неоднократно перерабатывается: «...при делении оных моделей против планов и фасадов были частые и весьма важные перемены». Дважды пришлось оставить уже почти готовые и оплаченные модели дворца и заново приступить к работе. Летом 1770 года закончилась работа над моделями, выполненными уже по третьему варианту проекта. В июле 1770 года они были «Высочайше осмотрены» и одобрены императрицей. Началось строительство дворца.

В период работы над проектом (1768—1770) в документах, связанных с «мраморным строением», имя Антонио Ринальди, считающегося единственным автором дворца, ни разу не встречается. Впервые оно появляется в документах лишь осенью 1771 года, когда проект уже завершен. Ринальди был выдающимся мастером интерьеров. В Мраморном дворце они

производили на современников поистине ошеломляющее впечатление, покоря своей необычной красотой и роскошью. До нашего времени сохранились их подробнейшие описания. Изысканная «грация и нежная прелесть» предшествующих построек Ринальди, для которого всегда было характерно «тяготение к барочным формам», совпадает лишь с рисунком интерьеров, где «дух барокко прямо царствует» (и отчасти — с восточным фасадом дворца), но совершенно не соответствует лаконичным, даже несколько суровым наружным фасадам с их ярко выраженной классической тенденцией.

Это обстоятельство, давно замеченное исследователями, вызывало их недоумение, заставляя говорить о странной двойственности и контрастах в архитектуре Мраморного дворца, подозревать участие в его создании не только Ринальди, но и другого архитектора.

Так не был ли этим «другим архитектором» Петр Егоров? Он — единственный, кто находился на строительстве Мраморного дворца до конца все семнадцать лет (1768—1785). В период, когда шла работа над проектом дворца (1768—1770), в архивных документах встречается имя лишь одного архитектора — Егорова. Наружные фасады дворца созданы в стиле классицизма, который присущ всем его постройкам. И по проекту Петра Егорова, «апробованному Ея Императорским Величеством», был построен Служебный дом Мраморного дворца (1780—1788). Со стороны Марсова поля и Дворцовой набережной он соединяется с дворцом железной оградой, также выполненной по проекту Егорова — ее рисунок очень сходен с оградой Летнего сада. Служебный дом представляет собой единый комплекс с Мраморным дворцом — у них даже один адрес: Дворцовая набережная, дом № 6. Думается, не случайно такой тонкий знаток архитектуры XVIII века, как И.Э. Грабарь, приписывал и Мраморный дворец, и ограду Летнего сада одному архитектору, считая, что они принадлежат к тем произведениям, которые отличает «один почерк», «единая архитектурная творческая мысль».

Есть еще одно обстоятельство, косвенно подтверждающее ту роль, которую сыграл Егоров в создании Мраморного дворца. В XVIII веке в редких случаях, лишь за особые заслуги, награждали повышением «в ранге». За успешное завершение долгого и трудного строительства Мраморного дворца Егоров получил не только денежную премию, но и два похвальных аттестата, рекомендующих его «к награждению чином». В 1768 году решением Правительствующего Сената он был «утвержден в надворные советники». Согласно Табели о рангах, гражданский чин 7-го класса, равный военному подполковнику, давал право на потомственное дворянство.

Летом 1770 года Екатерина II «указать соизволила»: оградить Летний сад со стороны Невы «железной решеткой с воротами». Автором первого проекта ограды (он оставался в силе в течение двух лет) следует считать архитектора И.Б. Фока (1741—1807). В сентябре 1772 года «приставлен к делу той решетки» был Петр Егоров.

До настоящего времени сохранилось 11 листов с чертежами ограды Летнего сада, относящихся к периоду 1772—1784 годов (два из них подписаны Фельтеном). Графический почерк архитекторов, которых считают причастными к проектированию ограды (Фельтен, Егоров и Фок), хорошо известен по их достоверным чертежам. Два из них, относящихся к 1778

году (варианты верхнего украшения к воротам), выполнены Фоком. Однако они не были приняты к исполнению. Остальные девять чертежей ограды исполнены в графической манере Егорова, которая известна по его подлинным чертежам (павильон Иордань, иконостасы церквей — Екатерининской, Рождественской и другие).

Стоит сказать особо, что графику Егорова отличает особенное, неповторимое своеобразие. Его проекты выполнены в свободной живописной манере, многие детали тонко прорисованы акварелью. Некоторые чертежи необыкновенно красивы, представляют собой как бы самостоятельное художественное произведение. Например, чертеж ограды Летнего сада, изображающий малые ворота с прилегающими звеньями решеток (1772 год), исполнен в технике, напоминающей гравюру — в молодости Егоров готовился стать художником, учился рисованию и живописи.

Работа Егорова над проектом продолжалась в общей сложности двенадцать лет (1772—1784). Постепенно, год за годом, он полностью переработал первый вариант проекта (1772) и шаг за шагом приходил к четкому, изящному, благородному рисунку, отвечающему эстетическим требованиям классицизма. Совершенная красота ограды Летнего сада, ее превосходно найденные пропорции, строгие изящные линии, изумительная соразмерность говорили о том, что такое произведение могло быть создано лишь творческой мыслью одного архитектора, имевшего возможность выполнить все работы от начала и до конца. И таким архитектором вполне уверенно можно назвать только Петра Егорова. Это он завершил окончательный вариант проекта ограды Летнего сада, руководил ее строительством, осуществляя авторский надзор.

Но авторами ограды Летнего сада обычно называют двух архитекторов — Ю.М. Фельтена и П.Е. Егорова. В чем же заключалось участие в ее создании второго знаменитого зодчего?

Известно, что в 1770—1771 годах он составил по проекту Фока смету и «описание», — были заданы размеры каменных частей будущей ограды. А в 1774 году, в связи с изменениями в проекте, которые коснулись размеров каменных частей ограды, смета и «описание» были полностью переработаны Егоровым и «каменных дел мастером» Насоновым.

Однако творческое участие Фельтена в создании ограды Летнего сада не подтверждается ни архивными документами, ни графическими материалами. Его имя ни разу не упоминается в многочисленных архивных документах, касающихся строительства ограды. Ни один из чертежей ограды Летнего сада им не выполнен. В сооружении ограды Фельтен участвовал только как главный архитектор Конторы строений, обязанный наблюдать за всеми постройками, находившимися в ее ведении.

Ошибка в определении автора ограды Летнего сада родилась, по-видимому, в конце XVIII века. Ю.М. Фельтен был директором Академии художеств и, занимая столь высокое административное положение, пользовался благосклонным расположением императрицы и неизменным покровительством И.И. Бецкого, президента Академии художеств и директора Конторы строений, одного из самых влиятельных людей того времени. В 1788 году Фельтен сам составил свой формулярный (послужной) список, в который, перечисляя «сочиненные» им проекты, включил и «железную решетку».

Но это вряд ли может служить веским доказательством авторства Фельтена. К тому же сохранился и формулярный список Петра Егорова, составленный 5 марта 1786 года, когда строительство ограды еще продолжалось. И составлен он не самим Егоровым, а беспристрастным официальным лицом — протоколистом Иваном Харитоновым: «...Петр Егоров прошлого 1768 года по требованию артиллерии полковника, что после был генерал-инженером Михайлы Ивановича Мордвинова, к строению Мраморного дома отослан был, который при оном по сей 1786 года и находился, а по ведомству Конторы строений находился только при строении каменной в Рождественских слободах церкви и железной по берегу Невы реки у Летнего сада решетки».

В этом формулярном списке, помимо Мраморного дворца и ограды Летнего сада, упоминается Рождественская церковь, строительство которой (1779—1786) было Петру Егорову особенно дорого, поскольку она предназначалась жителям слободы Конторы строений. На 6-й Рождественской улице Егоров жил сам. В 1776 году он приобрел дом, ранее принадлежавший известному живописцу И.Я. Вишнякову, в котором с ним вместе жили его родные, друзья, многолетние сослуживцы. Церковь строилась с любовью, ее украшали живописные работы слобожан Алексея Антропова, братьев Ивана и Алексея Бельских, на племяннице которого был женат Егоров.

К большому сожалению, в 1933 году Рождественская церковь была уничтожена.

В июле 1788 года главному архитектору Конторы строений М.Е. Старову и П.Е. Егорову было дано указание, чтобы они «каждый по своему проекту сделали для Конторы строений корпуса». Работа над проектом нового «апартамента Конторы строений» была последней в жизни Петра Егорова. В конце апреля 1789 года он еще усердно трудится, в документах Конторы строений то и дело встречаются его «репорты» о проделанной работе, а 12 мая 1789 года Егорова не стало. «Умер в госпитале», — лаконично сообщается в протоколе Конторы строений.

Участь художника в XVIII веке была нелегкой. Даже прославленный Растрелли написал в конце жизни: «Служба архитектора в России изрядно тяжела...» Художник оценивался не мерой таланта, а происхождением и чином. Все документы, рассказывающие о Егорове, начинаются неизменной фразой: «родом из чуваш». И этот факт говорит о многом. Чтобы при таком «подломе» (по названию того времени) происхождении выбиться в люди, надо было обладать не только талантом, но и настойчивостью, той «благородной упрямкой», о которой любил говорить Ломоносов.

Сохранившиеся автографы Егорова, исполненные тонким, слегка округлым, очень четким и изящным почерком, являются в какой-то степени и его характеристикой, свидетельствуют о хорошем образовании. Обаяние его личности ощущается даже сквозь сухость и лаконизм архивных документов, сообщающих, что Петр Егоров был «весьма достойным человеком», которого отличали «наивсегда добропорядочные поступки» и «особливое трудолюбие».

22 июня 2001 года общественность отмечала 270-летний юбилей великого зодчего. В Чебоксарах прошла научно-практическая конференция «Архитектор Петр Егоров и проблемы современного зодчества», а в све-

ре у института «Чувашигражданпроект» наконец-то был открыт памятник нашему знаменитому земляку.

П.Е. Егоров достиг в своем творчестве вершин мастерства. Его жизнь, наполненная напряженным и постоянным — до последних дней! — трудом, достойна «почтения честных людей».

*По книге Э.Ф. Кузнецовой «Архитектор Петр Егоров»,
Чебоксары, 1984*

НИКИТА ЯКОВЛЕВИЧ БИЧУРИН (1777—1853)

Китаевед, востоковед и историограф, член-корреспондент Российской академии наук, действительный член Азиатского общества в Париже.

Никита Яковлевич Бичурин — выходец из бедных слоев сельского духовенства, представители которого занимались христианским просвещением чувашей. Его дед Данил Семенов (предполагается, что был из чувашей) в 50-х годах XVIII века служил дьячком Сретенской церкви в селе Чемурша-Тиссарино Чебоксарского уезда, в 1764 году посвящен в сан священника и переведен в Успенскую церковь села Акулево Цивильского (с 1781 г. — Чебоксарского) уезда. Следуя традиции церкви, служителями культа стали и его сыновья — Яков и Иван Даниловы. Отец нашего знаменитого земляка — Яков Данилов — родился в

1749 (или в 1750) году, обучался в Казанской духовной семинарии. В 1770 году он стал дьяконом Акулевской церкви, где священником был его отец.

Никита, первенец в семье Якова и жены его Акулины Степановой, родился в 1777 году в селе Акулево, а в 1779 году семья переехала в село Бичурино Свяжского (с 1781 года — Чебоксарского) уезда, по названию которого он и получил впоследствии фамилию Бичурин. Вот что писал современник Н. Бичурина, историк Н.С. Щукин: «Отец его, дьячок Иаков, не имея даже фамилии, всю жизнь провел в этом звании и крестьянских трудах. Сын его Никита поступил, в восьмом году возраста, в училище нотного пения города Свяжска. В 1785 году перешел в Казанскую семинарию, где и дано ему прозвище Бичурина, по селу, в котором родился». Удивительна историческая атмосфера, в которой рос будущий богослов. Детство Никиты прошло среди приволжских чувашей, отличившихся своей самоотверженной борьбой в повстанческих отрядах Емельяна Пугачева. В годы, предшествовавшие Крестьянской войне, чувашское население подвергалось насильственной христианизации.

Для активного внедрения православия среди нерусского крестьянства